
**АКАДЕМИЧЕСКОЕ ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ПУШКИНА
МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ**

Докладная записка В. Д. Бонч-Бруевича С. И. Вавилову

Публикация В. В. Турчаненко

Предлагаемый вниманию читателей «Временника» материал встраивается в канву ретроспективных нарративов, посвященных истории академического Полного собрания сочинений Пушкина в 1940—1950-е годы.¹ Докладная записка заведующего Редакцией издания В. Д. Бонч-Бруевича, адресованная Президенту Академии наук СССР С. И. Вавилову, — уникальный и единственный в своем роде документ, освещающий судьбу грандиозного филологического проекта в годы военного лихолетья и последовавшего за ним периода, именуемого поздним сталинизмом. Составленная по материалам архива Редакции докладная записка восстанавливает хронологию работы над академическим Пушкиным в период с июня 1941 года по октябрь 1946-го. В ней последовательно изобличается халатность ряда чиновников Издательства Академии, саботировавших издание, и одновременно подчеркивается роль редакторов, продолжавших самоотверженную работу в тяжелых условиях.

Немаловажен контекст подготовки этой докладной записки. 12 ноября 1938 года на страницах «Известий» было объявлено о завершении редакционной работы над академическим изданием сочинений Пушкина:

Редакция полного собрания сочинений А. С. Пушкина, выпускаемого Академией наук СССР, закончила подготовку к печати всех томов собрания. В этой работе принял участие большой кол-

¹ См.: Турчаненко В. В. 1) «Жалко и странно, что приходится это делать в порядке частной инициативы»: К истории выдвижения академического издания Полного собрания сочинений А. С. Пушкина на Сталинскую премию // Турчаненко В. В., Цыганов Д. М. «Пушкин наш, советский!»: Очерки по истории филологической науки в сталинскую эпоху: (Иден. Проекты. Персоны). М., 2025. С. 376—405; 2) «Корчагинская кляуза», или Несвоевременная «борьба» за академического Пушкина // Литературный факт. 2026. № 1 (в печати).

лектив литературоведов (40 человек). <...> Издательство Академии наук СССР принимает все меры к скорейшему выпуску подготовленных к печати томов. Несколько книг выйдет еще в этом году. Все издание намечено закончить в течение 1939 года.²

Однако и после этого редакторы продолжали работать в «юбилейном» темпе, сверяя корректуры в гранках и верстке. Издательство Академии наук, впрочем, работало на порядок медленнее; некоторые тома, сданные Редакцией, долгое время лежали в Издательстве без движения. До войны вышли из печати 11 книг академического издания,³ в производстве находились еще 11⁴ — редакционная работа над некоторыми из них продолжалась и в эвакуации.

Весной 1945 года в соответствии с Распоряжением ЦК ВКП(б) Академия наук возобновила работу над академическим изданием Полного собрания сочинений Пушкина. На заседании Редакционного комитета 2 июня с позитивной программой выступил директор Издательства АН СССР И. А. Мартынов:

Получена офсетная бумага на 10 000 экз <емпляров>. Из типографии, в которой печатается 2-й том <...> и где работа про-

² Известия. 1938. № 263 (6730). 12 ноября. С. 3. Ср. информацию в докладной записке о состоянии собрания на 15 декабря 1938 года, направленной в Отделение общественных наук АН СССР: «Поступают в производство, вычитаны: 5 том. Поэмы 1825—1833 гг.; 16 том. Переписка 1835—1836 гг. Поступают на вычитку: 2 том. Стихотворения 1817—1825 гг. (в начале января 1939 г.); 3 том. Стихотворения 1826—1836 гг. (в конце декабря 1938 г.). Не закончены редактированием: 17 том. Рисунки Пушкина. 18 том. Сводный указатель ко всему изданию. Будет сдан в Издательство через два месяца после изготовления типографией сверстанных листов последнего тома» (АРАН, ф. 394, оп. 9, № 63, л. 109 об.).

³ 1937: Лицейские стихотворения (т. 1), Поэмы 1817—1824 (т. 4), «Евгений Онегин» (т. 6), Драматические произведения (т. 7; допечатка тиража в 1948 г.), Переписка 1815—1827 (т. 13); 1938: Романы и повести. Путешествия (т. 8, кн. 1; допечатка тиража в 1948 г.), «История Пугачева» (т. 9, кн. 1; допечатка тиража в 1950 г.), «История Петра». «Записки Моро-де-Бразе». «Заметки о Камчатке» (т. 10; допечатка тиража в 1950 г. с исправлением опечаток); 1940: Романы и повести. Путешествия (т. 8, кн. 2), «История Пугачева» (т. 9, кн. 2); 1941: Переписка 1828—1831 (т. 14).

⁴ 1947: Стихотворения 1817—1826. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях (т. 2, кн. 1); 1948: Стихотворения 1826—1836. Сказки (т. 3, кн. 1), Поэмы 1825—1833 (т. 5), Переписка 1832—1834 (т. 15); 1949: Стихотворения 1817—1826. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях (т. 2, кн. 2); Стихотворения 1826—1836. Сказки (т. 3, кн. 2), Критика и публицистика 1819—1834 (т. 11*), Критика. Автобиография (т. 12*), Переписка 1835—1837 (т. 16). (*) отмечены тома, которые готовились до лета 1941 года в двух книгах каждый.

изводится крайне медленно ввиду отсутствия кадров, печатание передается в типографию Печатного Двора, с которой заключено предварительное соглашение. Директор Печатного Двора, заинтересованный выступить с большой и серьезной работой, твердо заверил, что издание А. С. Пушкина будет печататься (в смысле сроков и качества), как печатались сочинения В. И. Ленина.⁵

Тогда же сотрудники Издательства выдвинули предложение печатать основные тексты отдельно от «Других редакций и вариантов» — якобы для того, чтобы ускорить выход собрания сочинений. Эта попытка трансформации редакционно-издательского процесса получила обстоятельную критику со стороны Редакции академического Полного собрания сочинений. После прений график выхода томов до конца 1945 года был утвержден единогласно.

Однако во второй половине октября 1946 года Издательство АН СССР подало Президенту Академии наук докладную записку о неудовлетворительном состоянии работ по академическому изданию сочинений Пушкина, «причем всю вину невыхода в свет остающихся томов и <здательств>во переложило на редакторов издания».⁶ 26 октября 1946 года состоялось заседание у академика-секретаря Отделения литературы и языка АН СССР И. И. Мещанинова, на котором В. Д. Бонч-Бруевич представил документы из архива Редакции, опровергающие обвинения Издательства. По совету Мещанинова Бонч-Бруевич подготовил докладную записку на имя Президента Академии наук С. И. Вавилова, в которой «изложил все обстоятельства дела издания собрания сочинений А. С. Пушкина и документально показал неверность всех тех сведений, которые были сообщены Президенту».

Осенью 1949 года, формируя документы для подачи академического собрания сочинений Пушкина на Сталинскую премию, Т. Г. Цявловская так писала Бонч-Бруевичу о ключевых участниках проекта:

Если бы меня спросили, как на духу, кто является самым ценным основным работником издания, то в дополнение к списку редакторов с перечислением их работы (который сам за себя говорит), я назвала бы несколько товарищей, в первую очередь: М. А. Цяв-

⁵ РО ИРЛИ, ф. 373. Протокол Заседания Редакционного комитета академического Полного собрания сочинений Пушкина от 2 июня 1945 г.

⁶ Там же. Протокол № 6 Заседания Редакционного комитета академического Полного собрания сочинений Пушкина от 30 октября 1946 г. (доклад В. Д. Бонч-Бруевича).

ловского, С. М. Бонди, Б. В. Томашевского, Н. В. Измайлова, Т. Г. Цявловскую-Зенгер (простите за откровенность), Г. О. Винокура, Л. Б. Модзалевского, Д. П. Якубовича, Д. Д. Благого, В. В. Гиппиуса, Б. М. Эйхенбаума.

И, конечно, Вас, вне всяких рангов.

Без Вашего замечательного организационного дара, умения найти выход из трудно-примиримых принципиальных расхождений в мнениях редакторов, без Вашей неусыпной заботы об издании, без Вашего постоянного трогательного отеческого представительства за нас в весьма холодно относящемся к нам Президиуме Академии Наук, — издание едва ли бы вышло.⁷

Публикуемая далее записка — одно из ярких подтверждений этих слов Цявловской, убедительное свидетельство «неусыпной заботы» В. Д. Бонч-Бруевича об академическом издании сочинений Пушкина.

Тексты записки и сопроводительного письма воспроизводятся по черновикам документов, отправленных в Президиум АН СССР 3 ноября 1946 года, из фонда Редакции академического Полного собрания сочинений (РО ИРЛИ, ф. 373). Подлинники документов обнаружить пока не удалось. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами.

I¹

3 ноября 1946 г.

Академику И. И. Мещанинову²

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

При сем посылаю Вам мою докладную записку на имя Президента Академии наук академика С. И. Вавилова.³ В записке этой я изложил все обстоятельства дела издания собрания сочинений А. С. Пушкина и документально показал неверность всех тех сведений, которые были сообщены Президенту.

Зав. ред <акцией> Пушкина В. Б <онч> - Б <руевич>

¹ Автограф. Обнаружен в одной из пачек с копиями исходящих писем.

² Мещанинов Иван Иванович (1883—1967) — языковед, археолог; академик АН СССР (1932). В 1937—1950 гг. был академиком-секретарем Отделения литературы и языка АН СССР.

⁷ Турчаненко В. В. «Жалко и странно, что приходится это делать в порядке частной инициативы». С. 400.

³ Вавилов Сергей Иванович (1891—1951) — физик; академик (1932) и президент (1945—1951) АН СССР.

II¹

<начато 27 октября 1946 г.>

Президенту
Всесоюзной Академии наук
Академику С. И. Вавилову
заместителя председателя Редакционного комитета
и заведующего редакцией
Полного собрания сочинений А. С. Пушкина
Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича

Докладная записка

Перед войной, еще в 1939—1941 гг., Редакция Полного собрания сочинений А. С. Пушкина сдала все тома в Издательство Академии наук, кроме алфавитных указателей, которые могут быть составлены только после выхода всех томов и тома «Рисунки Пушкина», который до войны был начат работой. Он должен был выйти в свет как приложение к Полному собранию после выхода всего собрания. Этот том не входит в подписное издание² и будет печататься особым тиражом.

Когда началась эвакуация, то все рукописи, корректура и прочие рабочие материалы всех томов, к этому времени находившиеся в редакции, были направлены в Издательство АН, которое должно было их сохранить, конечно, собрав и то, что находилось у корректоров, вычитывальщиков, в типографиях и пр., а также у редакторов, живших в то время в Ленинграде. Я лично в начале июля 1941 г. говорил тогда обо всем этом с руководящими лицами в Издательстве и мне было обещано, что именно так все и будет сделано. Меня твердо уверили, что все эти материалы будут эвакуированы в полном порядке, и что ни о чем беспокоиться нам, Редакции, совершенно нечего. Но на самом деле, к несчастью, совершилось как раз все наоборот.

Рукописи собраны не были; все осталось на руках третьих лиц, часть рукописей, как выяснилось после, были отправлены в Казань,³ где отчасти и затеряны. В ленинградских типографиях также все было оставлено в совершенно беспризорном состоянии. Руководители Издательства АН не выполнили самых элементарных своих обязанностей по сохранению драгоценного рукописного государственного имущества по Пушкину. Когда в сентябре 1942 г. я приступил в Москве к выяснению положения с рукописями Полного собрания

сочинений Пушкина, сданным Редакцией в Издательство, то выяснил крайне печальное состояние их. Только благодаря тому, что до войны я настоял — вопреки желанию Издательства АН — все набранные тома в гранках и в листах тискать лишние экземпляры, которые раздавались мною редакторам в их собственность, удалось восстановить несколько томов, совершенно исчезнувших. Точно так же удалось у редакторов отыскать некоторые не выправленные дублеты и третьи экземпляры.

Все мы, вся Редакция, приняли самое деятельное участие в отыскании хотя бы неправленных дубликатов рукописей или наборов, чем и спасли положение, иначе, благодаря полной халатности, небрежности и паникерству Издательства во время эвакуации, все бы пришлось начинать сызнова.

Совершенно естественно, что редакторы отдельных томов желали при возобновлении печатания Полного собрания сочинений Пушкина после войны вновь просмотреть свои работы, так как за пять-шесть лет их лежания в портфеле Издательства накопилось много новых материалов и документов, усовершенствовался новый способ подачи «других редакций и вариантов», потребовавший пересмотра сделанной уже работы и некоторой доработки ее.

В это время совершенно неожиданно появился в Издательстве некий Корчагин,⁴ который нам никому ранее не был известен и который выразил недовольство принципами работы, установленными Редакционным комитетом, и стал навязывать свои примитивные, давно устарелые взгляды на способ подачи вариантов и других редакций, от которых мы давно отказались.⁵

Это незаконное вмешательство служащего Издательства АН в редакционные дела Редакционного комитета, организованного по воле Президиума Академии наук, в свое время согласованного с директивными органами и утвержденного Правительством, — было в высшей степени изумительным, совершенно недопустимым, крайне мешавшим, тормозящим и задерживающим всю редакторскую работу специалистов высшей квалификации — пушкинистов.

Несмотря на все это, а также и на то, что один из основных редакторов собрания сочинений Пушкина В. В. Гиппиус погиб во время блокады немцами Ленинграда,⁶ а вместе с его квартирой и всей его семьей погибли и все рабочие рукописи по Пушкину и Гоголю,⁷ а также правленные им гранки и сверстанные листы одиннадцатого тома Пушкина, набор этого тома сохранился до сих пор. Кроме того, погибли от обстоятельств войны помощник редактора Л. Л. Домгер — убит немцами на Кавказе,⁸ редактор тома «Пугачев» В. Л. Комарович⁹ и редактировавший отдельные опусы в собрании сочинений

Пушкина Б. И. Коплан,¹⁰ вместе со всей семьей, также погиб от голода во время блокады Ленинграда. Профессора А. И. Заозерский¹¹ и М. Д. Приселков,¹² помогавшие в некоторых случаях нам в работе, в это же время умерли от рака. Квартира редактора Н. В. Измайлова¹³ вместе со всей семьей (кроме одной дочери) с обширной библиотекой и рукописным архивом профессора-пушкиниста была разбита немецкой бомбой, и в пожаре все у него погибло вместе с рабочими рукописями и корректурами XV тома Полного собрания сочинений Пушкина. В типографии «Печатный двор» Издательством была оставлена рукопись II тома (первая его часть), которую героические наборщики вместе с ответственным корректором набрали под градом нацистских бомб и артиллерийского огня (это том лирической поэзии Пушкина) и там же сами почти все погибли (из 16 человек умерло 14). Корректурa этого тома, прекрасно сброшюрованная, была найдена под развалинами типографии.¹⁴ Там же был найден и набор. Вместо того, чтобы отпечатать этот том, а самую корректуру, труд этих изумительных тружеников-героев, сохранить как драгоценную реликвию трагического времени Великой Отечественной войны, Издательство не нашло ничего лучшего, как уничтожить этот набор, бросив металл в котел на переплав. Кроме того, в феврале 1946 г. смертельно заболел один из самых основных редакторов нашего издания — профессор, доктор филологических наук М. А. Цвяловский. Совершенно изумительная операция, произведенная профессором-академиком хирургом С. С. Юдиным, который вырезал у него весь желудок без остатка, спасла ему жизнь¹⁵ — и он уже опять в самой трудоемкой работе по Пушкину. Все эти обстоятельства, а также и то, что один из редакторов, Б. М. Эйхенбаум, в силу личных обстоятельств — крайнего нездоровья — совершенно устранился от работ по Пушкину и уехал далеко на юг,¹⁶ однако не помешали Редакционному комитету в целом выполнить все возложенные на него обязанности.

До начала войны все тома текста издания Пушкина были сданы в производство в Издательство, причем все сдавалось здесь, в Москве, и лишь один том, шестнадцатый, который находился в Ленинграде на доработке у профессора Н. В. Измайлова и его соредактора Л. Л. Домгера, был сдан ими прямо в Ленинграде в Издательство Академии наук. Остался только не сданным восемнадцатый том, в который входят алфавитные указатели по всему изданию и который, само собой понятно, может быть окончен составлением после выхода последнего тома текстов Пушкина.

Семнадцатый том «Рисунки Пушкина» не входит в подписное издание, а (по просьбе Издательства) издается как особое прило-

жение к Полному собранию сочинений, дорабатывается теперь ввиду того, что как только была объявлена война в июне 1941 г., весь архив Пушкина со всеми рукописями был эвакуирован в Томск, где в упакованном виде и пребывал до 1943 г. В этом году он прибыл в Москву и совсем недавно наконец нашел такое пристанище, где им можно пользоваться и работать.¹⁷ Сейчас идет сверка множества негативов с подлинниками рисунков. Но и этот том, с которым Издательство совершенно не спешит, задержан Редакцией не будет и будет сдан в сроки по договоренности с Издательством.

Как же обстоит дело с изданием собрания сочинений А. С. Пушкина на сегодняшний день?

До сего времени совершенно вышли в свет полным тиражом следующие тома: первый — лицейские стихотворения, четвертый — поэмы 1817—1824 гг., шестой — «Евгений Онегин», девятый (в двух переплетах) — «Пугачев», тринадцатый том — переписка 1815—1827 гг.

Еще три тома отпечатаны в весьма ограниченном числе экземпляров, а именно: седьмой том — драмы, восьмой том — художественная проза (в двух книгах) и четырнадцатый том — переписка 1828—1831 гг. Издательство считает, что они вышли, но это неправильно. Их надо еще допечатывать, брошюровать и переплетать, так как количество, в котором они были выпущены в свет, — столь незначительно, что кроме самого малого круга лиц эти тома никуда не пошли, и подписчики их не видали. Четырнадцатый том, несколько лет уже совершенно отпечатанный, до 1946 г. был выпущен в свет в одном экземпляре, который как сугубо уникальная редкость находился у ныне умершего Президента Академии наук — академика В. Л. Комарова.¹⁸ Теперь этот «тираж» достиг десяти экземпляров, которые были Издательством розданы особо избранным лицам.

Многokратно за все эти годы и множество раз в нынешнем году и я, и Комитет, и рабочая Комиссия нашего комитета и письменно, и устно напоминали, просили, уговаривали Издательство Академии наук выпустить в свет полным тиражом четырнадцатый том и допечатать VII и VIII, но все наши взывания оказались тщетными: Издательство Академии наук не пожелало выполнить свой долг и перед подписчиками, и перед нашей страной, и эти тома, номинально считающиеся вышедшими в свет, на самом деле лежат под спудом.

ВТОРОЙ ТОМ. Стихотворения 1817—1825 гг. Состоит из трех частей, каждая из которых должна выйти в свет в особом переплете. Редакторы М. А. Цявловский и Т. Г. Зенгер. Был сдан в Из-

дательство и набирался еще перед войной. Был набран героически, в большинстве погибшими наборщиками Печатного двора. Корректурa и самый набор были идеальными. Нашли этот том корректур под развалинами типографии «Печатного двора» в 1945 г. В 1944 г. этот же том, считавшийся погибшим, после новой кропотливой работы, проделанной проф. М. А. Цявловским, по возобновлению всех примечаний, вариантов, новых редакций и пр. и после введения новых материалов, поднакопившихся за эти годы, был вновь целиком сдан 15 июня 1944 г. вторично в Издательство АН. Издательство отдало его набирать в типографию Ивана Федорова (в Ленинграде),¹⁹ где его и набрали 23 листа. Как раз в это время была найдена та корректурa в «Печатном дворе», о которой я упоминал выше. Издательство почему-то решило уничтожить тот прекрасный набор, и остановилось на типографии Ивана Федорова. В это же время как раз стал тяжело болеть проф. М. А. Цявловский. Он дважды должен был бросить Москву и по бюллетеню врачей академической поликлиники уезжать в санаторий на серьезное и продолжительное лечение (каждый раз более 2-х месяцев). В силу этого крайне печального обстоятельства, а также и потому, что Издательство, несмотря на многократные указания, довольно долго не высылало оригиналов первой партии гранок, которые были присланы лишь при второй партии, — корректурa гранок на этот раз была проф. М. А. Цявловским задержана лишнее время. Но он, преодолевая себя, имея категорическое запрещение от врачей усидчиво заниматься, все-таки сам прочел обе партии гранок, что составляло 23 печатных листа, сделал все исправления и дополнения. Все гранки 14 апреля 1945 г. проф. Цявловским были сданы в Издательство. Верстка этих гранок была получена из Издательства 27 июня 1945 г., т. е. через два с половиной месяца. Вся вновь прочитанная эта корректурa, сверенная вновь по подлинникам Пушкина, была отослана проф. Цявловским в Издательство 2 августа 1945 г., т. е. через месяц и пять дней, что нельзя не признать очень быстрым чтением авторской корректуры сильно больным редактором этого тома.

Вторая половина этого тома, т. е. дальнейшие листы после 23-го, — сильно задержалась в Издательстве. Только 16 сентября 1946 г. эта вторая половина набора была прислана из Издательства на квартиру проф. Цявловского, т. е. через год и три месяца после присылки первых 23 листов были получены еще с 24 по 37 л., т. е. всего-навсего 13 л. Другими словами, Издательство в среднем в течение месяца обеспечило набор менее одного печатного листа! Такие темпы никуда не годятся. Они просто позорны для всякого

издательства, а для Издательства Академии наук тем паче. Сейчас эти листы находятся у проф. М. А. Цявловского, который очень скоро сдаст их в производство.

Вторая и третья часть книги второго тома с 15 июня 1944 г. находятся без всякого движения в Издательстве, т. е. вот уже более двух лет эта вторично проделанная гигантская работа сдана проф. М. А. Цявловским в Издательство, и она там находится такой огромной срок без движения!

Нам говорят, что будто бы набор этот в типографии Ивана Федорова предполагают опять рассыпать, ибо темпы этой типографии не удовлетворяют Издательство Академии наук. И это будет ужасно! Если Издательство будет заниматься набором, чтением корректуры, потом уничтожением сделанного набора и опять все вновь набирать, то ясно, что никогда Пушкин не будет издан.

Таким образом, из всего этого видно, что утверждение Издательства, Вам сообщенное, что т. II, ч. I не выходит потому, что «долго находилась в редакции», не соответствует действительности.

ТРЕТИЙ ТОМ. Стихотворения 1826—1836 гг. (1-я и 2-я книги) и сказки (3-я книга). Редакционно том был готов и сдан в Издательство еще до войны. Ввиду накопившихся за это время новых материалов решено было вновь просмотреть и дополнить, прежде чем сдавать том в набор.

8 сентября 1945 г. сдана в Издательство машинопись основного текста третьего тома. 20 октября 1945 г. сдана в Издательство в том же виде вторая часть 1-й книги («Другие редакции и варианты»). 16 и 20 февраля 1946 г. получены редактором М. А. Цявловским гранки всех текстов 1-й книги третьего тома. Несмотря на страшную болезнь, проф. Цявловский 29 апреля 1946 г., т. е. всего через два месяца, сдал все гранки этого большого фолианта, тщательно им и Т. Г. Зенгер вычитанного. Через пять месяцев после этого, а именно 16 сентября 1946 г., получена верстка 1-й книги третьего тома, которую 24 октября с <его> г <ода> проф. М. А. Цявловский сдал обратно в Издательство, все выправив и подписав ее на сверку, затратив на это минимальное время в один месяц и 8 дней. К сожалению, эта первая книга третьего тома технически набрана совершенно безграмотно, ниже всякой критики, что абсолютно недопустимо. Прежде всего, она набрана на линоTYPE, что совершенно недопустимо для такого сложного набора. Конечно, она должна была набираться ручным набором. Теперь придется вновь переливать огромное количество строк, и, конечно, появятся новые недопустимые ошибки, а стало быть, опять надо будет все читать вновь тому

же проф. М. А. Цявловскому и тратить на это огромное количество времени. Кроме того, чей-то карандаш — очевидно в Издательстве! — осмелился пройти по рукописи, утвержденной к печати Редакционным комитетом, и сделал ряд грубейших ошибок, которые пришлось исправлять в корректуре. Еще неизвестно, но поговаривают в Издательстве, что придется опять рассыпать и этот набор — до такой степени он отвратителен.

Вторая и третья книги третьего тома сейчас находятся у проф. М. А. Цявловского, который пожелал после своей болезни еще раз просмотреть рукопись перед набором, чтобы еще более усовершенствовать подачу крайне сложного отдела «Другие редакции и варианты», который является замечательным новаторством в литературоведении и уже заслуженно приобрел в западноевропейской научной печати не только полное одобрение, но и название «русской системы» исследования литературных текстов.

Рукописи этих обеих книг третьего тома могут быть представлены Издательству в любой день, так как, по существу, они совершенно готовы к печати и лишь еще раз просматриваются проф. М. А. Цявловским, чтобы отточить и усовершенствовать этот отдел. Издательству это прекрасно известно. Оно не берет эти рукописи, очевидно, потому, что и с первой книгой третьего тома никак не может справиться. Вторая и третья книги этого же тома должны идти в той же типографии тем же шрифтом вслед за окончанием первой книги, а этого окончания еще совсем не видно. *Сообщение Вам Издательством, что «том III, кн. I, 39 п. л. в верстке с 28 августа находится в редакции» — совершенно неверно.* Прежде всего эти листы прибыли к проф. М. А. Цявловскому лишь 16 сентября 1946 г., а не 28 августа, как говорит Издательство. По тщательному расследованию этого инцидента оказалось, что с 28 августа по 16 сентября эти корректуры находились не у проф. Цявловского и не у меня в редакции, а, как ответственно заявил на нашем заседании 26 октября с <его> г<ода> зам. директора Издательства Академии наук т. Лихтенштейн,²⁰ — все эти листы первой книги третьего тома находились с 28 августа по 16 сентября у них в редакции, в редакции Издательства, а не у нас. Так что сообщенное Вам к нам, к действительной Редакции полного собрания сочинений А. С. Пушкина, никакого отношения не имеет. Вот что значит иметь ни к чему не нужную двухэтапную редакцию, как это — к несчастью! — укоренилось в Академии наук. Этот лишний бюрократический нарост только путает дело, как отчетливо видно в этом случае. Наша редакция сдала и эту работу по Пушкину в минимальный срок, точно выполнив все взятые на себя обязательства.

ПЯТЫЙ ТОМ. Поэмы 1825—1836 гг. Редактор проф. С. М. Бонди, основоположник всей новой «русской» системы подачи текстов и «других редакций и вариантов».

Про этот том в поданной Вам справке кратко сказано: «У Бонди в рукописи». Это суцая неправда. На самом деле этот том, после всяческого просмотра, улучшения способа подачи «других редакций и вариантов», введения новых, накопившихся за военное время исследовательских сведений и материалов, был окончательно сдан нашей редакцией в набор еще 27 октября 1945 г., т. е. ровно год тому назад.

Вычитывальщик Издательства, как это всегда бывает, нашел корректурные ошибки, сомнительные знаки препинания и пр. т. п. мелочи, которые всегда выправляются в корректурах, тем более что корректуры Пушкина у нас читают сами редакторы по подлинникам или по фотографическим снимкам рукописей.

На мой запрос проф. С. М. Бонди, редактор этого тома, ответил:²¹

В ответ на Ваш запрос о судьбе V тома Пушкина — мною сдан в Издательство уже давно (не помню точно срока).

Рукопись тома была уже вычитана в Издательстве.

Все сомнения вычитчика были разъяснены мною, уточнены и согласованы. Осталось некоторое количество мелочей (уточнение отдельных букв, порядок вариантов вариантов и т. п.), которые нужно выяснять по рукописям Пушкина (или по снимкам).

Издательство, очевидно не имея возможности куда-либо сдать в набор этот том, всячески затягивает его сдачу. Редакция не единожды требовала сдать этот том в набор, но Издательство упорно занимается никому не нужными корректорскими мелочами, а вот в набор этот том все не сдает. Е. С. Лихтенштейн обещал на этом последнем нашем заседании (27 октября с<его> г<ода>) положить конец этому нудному безделию.

ОДИННАДЦАТЫЙ ТОМ. Критическая проза. Редакторы В. В. Гишпиус и Б. М. Эйхенбаум. Этот том давным-давно, еще в 1939 г., сдан редакцией в Издательство для набора. Был набран и к моменту войны находился в листах (самый текст), а в гранках были другие редакции и варианты. Они находились у редактора этого тома В. В. Гишпиуса, жившего в Ленинграде. Издательство не выполнило в 1941 г. после возникновения войны взятое на себя

обязательство собрать все рукописи, гранки, листы в одно сохранное место, где бы их целостность была бы обеспечена от бомб немецкой авиации. Бросив все на произвол судьбы и двинувшись с своих ответственных постов в паническую эвакуацию, оно бросило так же и все работы по Пушкину, сданные Издательству редакцией и находившиеся на руках редакторов и в типографиях.

В силу этих обстоятельств при гибели от голода редактора В. В. Гиппиуса, вслед за ним погибла и его квартира, а в ней и его библиотека, и архив, и рукописи, и корректуры. Погиб у него и после его смерти и весь рабочий материал по XI тому Пушкина, так же как и по Гоголю, ответственным редактором которого в академическом издании он был.

«Мертвые сраму не имут» — честно погибшие от руки фашистского врага. Но живым деятелям Издательства Академии наук стыдно было благополучно сидеть в г. Казани и не озаботиться о сохранении этого бесценного национально-культурного имущества. *Неправду доложили Вам об одиннадцатом томе сочинений А. С. Пушкина, когда в справке написано: «XI том поступает в переделку».*

Замдиректора Издательства АН СССР Е. С. Лихтенштейн в письме ко мне от 27 августа сего года пишет: «Одновременно прошу всемерно ускорить редакторскую правку XI тома с тем, чтобы можно было использовать часть набора этого тома, также сохранившуюся в той же типографии». Так что, как видите, том находился и находится у них в Издательстве, он уже набран. Дело идет о редакторской правке, которая могла быть осуществлена лишь по представлению Издательством рукописи, с которой они сделали набор, а также правленных гранок, по которым они верстали этот XI том. Ни того, ни другого до сего времени Издательство нам не предоставило, так что и править не по чем. Таким образом, XI том ни в какую «переделку» ни к кому не поступал и не поступит. Издательство все время надеялось найти и рукопись, и гранки, и только 26 октября с <его> г<ода> на заседании в Литературном отделении Академии наук²² Е. С. Лихтенштейн окончательно заявил, что все надежды на отыскание рукописи и корректур XI тома исчезли, их более нет. Теперь нам придется составить новую редакторскую бригаду этого крайне сложного и ответственного тома, чтобы дополнить все то, что поручалось комитетом ныне умершему редактору В. В. Гиппиусу и что он должен был сделать в гранках, а также все корректуры проверить по подлинным рукописям, ввести все новое, что накопилось за эти семь лет по вопросам XI тома, и сделать ком-

ментарии и определить другие редакции, так как все это в Издательстве исчезло.

Рабочая комиссия, предвидя печальный финал всех этих бесплодных и несвоевременных поисков Издательства (все это надо было собрать в первые дни войны), уже наметила новых редакторов и план всей работы, которая и будет закреплена 30 октября с<его> г<ода> на собрании рабочей комиссии Редакционного комитета по собранию сочинений А. С. Пушкина.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ТОМ.²³ Автобиографическая проза и др<угие> материалы. Редакторы профессор М. А. Цявловский и Т. Г. Зенгер. В этот том, помимо автобиографической прозы Пушкина, входят все иные материалы, не вошедшие в другие тома по своей тематике и сосредоточенные здесь по признаку написания их «рукою Пушкина». Том давно, еще до войны, готов и сдан был в Издательство. По общему решению, принятому редакцией после реэвакуации редакторов и сотрудников по редактированию сочинений Пушкина о новом просмотре томов перед сдачей их в набор, двенадцатый том был вновь сдан в Издательство проф. М. А. Цявловским еще 2 июня 1945 г., т. е. ровно год и четыре месяца тому назад.

Вместо того, чтобы этот весьма легкий для набора том отдать в набор, Издательство взяло на себя совершенно не подходящую ему роль рецензента этого тома и стало стараться на Пушкине экономить бумагу, предложив сократить этот том писаний А. С. Пушкина. Так как деятели Издательства Академии наук никакого отношения к Редакционному комитету собрания сочинений А. С. Пушкина не имеют, то совершенно естественно, что это предложение не могло ничего иного вызвать среди членов Редакционного комитета, как удивление, что люди эти садятся не в свои сани и не делают то техническое дело, которое является единственным им порученным по отношению к изданию сочинений Пушкина, и столь охотно берутся не за свое дело. Об этом Издательству было своевременно мною сообщено и письменно, и устно. Они не вняли доброму совету и продолжали интриговать дальше, бессмысленно отнимая у редакторов сочинений Пушкина драгоценное время, которого у всех нас и так мало. Нам пришлось ходить на разные совершенно излишние заседания, писать письма, бесконечно разговаривать по телефону и пр. Все это крайне дурно, расхолаживающе повлияло на редакторов, и без того крайне перегруженных работой по Пушкину, которая была вызвана особой щепетильной добросовестностью редакторов-пушкинистов. Формально они могли бы остановиться на той степе-

ни достижения совершенства редактирования пушкинских текстов, которая была ими достигнута еще до войны, когда, повторяю, все тома собрания сочинений А. С. Пушкина были сданы в Издательство, — и на этом успокоиться. Они, как известно, так не сделали и после реэвакуации вновь тщательно просмотрели все то, что еще не было готово к выпуску в свет, введя и новые материалы, и новые расшифровки рукописей, и новые открытия при тщательном исследовании, и новые высшие способы подачи труднейшей, крайне трудоемкой части издания сочинений Пушкина — так называемых «других редакций и вариантов» сочинений Пушкина. Причем я не могу не отметить здесь, что вся эта работа редакторов, так же как и чтение многократных редакторских корректур, производилась и производится ими до сих пор совершенно бесплатно, а Издательство никак не может умудриться найти способ добросовестной оплаты этого невероятного, ответственного и тяжелого труда редакторов — фанатиков-пушкинистов, которые действительно вот уже десять лет работают не ради ничтожных материальных благ, а ради прославления святой памяти великого гения нашей земли, нашего отечества, Александра Сергеевича Пушкина. Издательству же Академии Наук должно быть стыдно такое скряжничество и неуважение к высококвалифицированному, исключительному по трудности, кропотливому труду ученых — исследователей-пушкинистов, отдавших все лучшие годы своей жизни работам над сочинениями Пушкина.

Назойливость со стороны Издательства в деле, не подлежащем их ведению, по отношению к XII тому собрания сочинений А. С. Пушкина, вызвала, наконец, решительный протест со стороны главных редакторов собрания сочинений Пушкина, который они выразили в нижеследующем заявлении на мое имя от 27 мая 1946 года:²⁴

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Нижеподписавшиеся члены Редакционного Комитета собрания сочинений Пушкина выражают свое крайнее удивление по поводу полученных М. А. Цявловским предложений о сокращении рукописи XII тома. Совершенно независимо от того, приемлемы или неприемлемы эти предложения, они, по нашему твердому убеждению, прежде всего должны были быть адресованы Редакционному комитету, который, в случае надобности, мог бы их обсудить и вынести по ним то или иное решение. Редакторы сочинений Пушкина в академическом издании — не механические исполнители каких-либо предписаний, а научные работники, работа которых имеет исследовательский характер. Поэтому без личного участия в обсуждении вопросов такого рода редакторы не могут считать ав-

торитетными никакие решения в этой области и тем более принимать их к исполнению.

27.V.46

М. Цявловский, С. Бонди,
Д. Благой, Г. Винокур

Должен сообщить Вам, что еще в 1936 г., когда я был приглашен директивными органами заведовать редакцией академического собрания сочинений А. С. Пушкина и быть заместителем председателя Редакционного комитета этого собрания сочинений, то, приступая к работе, я имел длительную беседу с председателем Совнаркома того времени В. М. Молотовым, который указал мне, что желательно не обременять это академическое издание подробными сообщениями и статьями по поводу того или другого произведения А. С. Пушкина, — все это можно и должно издать после отдельно, прибавил он, — *но зато все написанное рукою Пушкина*, как бы это мало ни было, должно обязательно войти в своем месте в это действительно полное академическое издание. Найдете два слова, — прибавил он, — написанные Пушкиным, — напечатайте и их. Можете объяснить, к чему они, — объясните. Нет — так и оставьте, придет время — другие объяснят.²⁵ Издание это юбилейное и должно быть действительно академически полным. Я не мог не порадоваться этим широким взглядам на академические издания наших классиков, которые вполне соответствовали научным требованиям, предъявляемым к такого рода изданиям, совершающимся раз в столетие, и притом раз и навсегда. Такое действительно полное, не только научное, но ученое издание сочинений и всех писаний мирового классика всегда является неисчерпаемым источником для будущих всевозможных массовых изданий, а также для критического изучения писаний великого поэта-прозаика, историка и критика для новых и новых научных разысканий. Дело это после академического издания значительно облегчится для будущих поколений, так как все находившееся в рассеянии рукописное наследство здесь переведено на бумагу, отпечатано и, стало быть, тем самым приближено к массовому исследованию специалистов. Они не должны уже будут идти в архивы для нового изучения всего написанного, а также не надо им будет рыскать по всему свету, добиваясь рассмотрения рукописей и редчайших, почти исчезнувших изданий нашего великого гения: все это будет сведено раз и навсегда в нашем академическом издании.

На нашем собрании я услышал, что будто бы Вам было сообщено Издательством, что «XII том забракован». Это опять ложное сведение. Никакой «браковке» этот том не подвергался. Наоборот, он давно утвержден Редакционным комитетом к печати. Издатель-

ству же никем не дано право что-либо «браковать» в редакционной части. Разговоры, поднятые внутри комитета о сокращении этого тома, будут обсуждены на ближайшем общем собрании рабочей комиссии Редакционного комитета. Я лично не вижу ни причин, ни нужды в таком пустяшном сокращении, принимая во внимание, что Академия наук издает действительно полное первое юбилейное издание собрания сочинений А. С. Пушкина.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ТОМ. Переписка.

Весь том целиком и полностью, вместе с комментариями и алфавитным указателем, был набран до войны и тогда же подписан в листах к печати. Неоднократно я делал предложение Издательству отыскать этот набор и весь рабочий оригинал, гранки и подписанные листы, и наконец я получил 27 августа с <его> г <ода> от зам. директора Издательства АН СССР Е. С. Лихтенштейна нижеследующее уведомление:²⁶

Многоуважаемый Владимир Дмитриевич!

На Ваше письмо от 1 августа с <его> г <ода>, адресованное тов. Н. Е. Брусиловскому, сообщаю, что в нашей 1-й типографии (по справкам, наведенным Производственным управлением Издательства) никаких рабочих корректур XV тома не сохранилось. Имеется лишь большая часть сверстанного набора этого тома, а именно листы 7—21, точнее — стр. 97—332, за исключением страниц 209—216 (1-й полулист 14-го листа) и 273—280 (1-й полулист 18-го листа).

Направляю Вам на просмотр и для передачи общему редактору тома Д. Д. Благому оттиск с названной части набора. Сопоставив этот оттиск с версткой XV тома, полученной от Вас, Д. Д. Благой, по-видимому, решит, как может быть практически использована сохранившаяся часть набора, и определит, сколько времени потребуется для надлежащей редакторской корректуры всего тома.

Понятно, что вся необходимая работа над направленной версткой XV тома должна быть проделана по возможности в кратчайший срок, так как Издательству трудно будет сохранить имеющийся набор в течение длительного времени.

Одновременно прошу всемерно ускорить редакторскую правку XI тома с тем, чтобы можно было использовать часть набора этого тома, также сохранившуюся в той же типографии.

Зам. директора
Издательства АН СССР

Е. С. Лихтенштейн

Из этого письма ясно видно, что этот том редакцией давным-давно, еще до войны, был сдан в Издательство, над ним была произведена огромная работа корректирования в гранках и в листах — и все это теперь пропало лишь потому, что Издательство вовремя не приняло никаких мер к сохранению этих ценнейших манускриптов и подписанных к печати листов. Я не знаю, кто в Издательстве персонально ответственен за эту преступную халатность, граничащую с прямым вредительством, но кто-то же был ответственен за эвакуацию всего этого важнейшего материала и драгоценного государственного литературного имущества.

В известной справке Вам сообщали: «Редакция не сдавала XV, XVI, XVII и XVIII тома». Вы уже видите, что по отношению к XV тому это является чистой ложью: том сдан был в Издательство еще до войны, весь набран, подписан редакцией к печати и весь растерян в последующее время ввиду крайней беспечности и халатности ответственных лиц Издательства. В настоящее время, когда только что выяснилось, что Издательство отказывается представить в Редакцию подписанные листы, и ввиду того что Издательство совершенно потеряло рукопись к этому тому писем, придется создать новую коллегия для этого тома и проделать всю работу сызнова, оформив ее особыми договорами в Издательстве.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ТОМ. Переписка 1835—1837 гг. Редакторы Н. В. Измайлов и Л. Л. Домгер. Этот том переписки был сдан в Издательство в Ленинграде, ввиду того что редакторы жили в то время в Ленинграде, заканчивали там последние выправки рукописи согласно замечаниям Редакторского комитета и когда кончили, то, по моему указанию, сдали всю готовую и подписанную мною к печати рукопись XVI тома. Эта рукопись должна была со дня на день пойти в набор. Издательство не находит ее у себя и заявляет, что оно ее не получало, что неверно. Я распорядился поднять весь старый архив, который сохранился, и найти подтверждающий документ. Члены Редакторского комитета, отлично помнящие эту передачу, лично подтвердили это чрезвычайно важное обстоятельство на собрании 27 октября с <его> г <ода> и удостоверили, что передачи XVI тома в свое время еще до войны были редакцией произведены.

Только сию минуту отыскано в довоенном архиве нашей Редакции, к счастью сохранившемся в Гослитмузее, куда я поместил его перед эвакуацией, и который теперь находится у меня на квартире, следующее письмо:²⁷

Действительно, в декабре 1938 г. Президиумом АН было вынесено постановление об издании в 1939 году собр<ания> соч<инений> А. С. Пушкина, но бумаги на это издание мы в 1939 г. еще не получали.

Все меры, которые принимаются по этому делу, Вам, конечно, хорошо известны, как известно и то, что из 25 книг собр<ания> соч<инений> Пушкина вышли полным тиражом лишь 4 книги (I, IV, VI и XIII), неполным тиражом тоже 4 книги (X, VII, VIII и IX), набрано и находится в разных стадиях производства 6 книг (VIII₂, IX₂, XI₁, XI₂, XIV и XV), сданы в Издательство, но еще не набраны 6 книг (V, XII₁, XII₂, XVI, III₁ и III₂), и не представлены 5 книг (II₁, II₂, XVII, XVIII₁ и XVIII₂).

При таком положении — когда 4 книги нужно будет допечатывать до полного тиража и по 6 книгам уже набранным продолжать все производственные процессы, чтобы при тяжелом положении с бумагой иметь возможность довести их лишь до матриц, — мы не решаемся приступать к набору еще каких-либо томов, так как в противном случае мы лишь осложним финансовое положение Издательства, сократим оборот металла в типографии (которого нам не хватает), и все это без ощутимой пользы для дела.

Если у Вас имеются мотивированные возражения, просим их нам сообщить.

Директор
Издательства АН СССР

Самсонов²⁸

Как видите, здесь имеется четкое уведомление, что XVI-й том находился, своевременно нами сданный, в Издательстве еще в апреле 1939 г., и он лишь ждал своей очереди, чтобы поступить в набор. Ясно, что Издательство и его затеряло и теперь упорно заявляет, что ему его не сдавали! Вот что значит иметь неправильно организованное издательское дело, которое всегда сложно и которое требует и хороших знаний самого дела, и хороших организаторских способностей у руководителей его, чем Издательство Академии наук отнюдь похвастаться не может.

СЕМНАДЦАТЫЙ ТОМ. Рисунки Пушкина. Редакторы М. Д. Беляев и Т. Г. Зенгер.

Этот замечательный том, впервые публикующий все рисунки поэта, не входит в собрание сочинений, на которое Издательством открыта подписка. Этот том дается как приложение и печатается на отдельной, другого сорта, бумаге и другим тиражом. Само Изда-

тельство неоднократно просило не торопиться с этим томом, ибо — как говорили они мне — сейчас у них нет подходящей типографской базы. Сейчас производится проверка подлинников с негативами, и я полагаю, что через несколько месяцев том будет совершенно готов и сдан в Издательство, которое вряд ли сможет, хотя теперь и обещает, отпечатать его немедленно из-за плохой техники. Во всяком случае и с этим томом задержки за Редакцией отнюдь не будет.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ТОМ. Указатели ко всему собранию сочинений. Составитель Л. А. Катанская, редактор М. А. Цявловский.

Может быть готов (по самому своему характеру) лишь только тогда, когда будет дана последняя подписанная верстка последнего тома. Составляется все время, постепенно, с выходом каждого тома весьма ответственным, опытным и аккуратным работником Л. А. Катанской, а редактируется самым аккуратным редактором, проф., доктором филологических наук М. А. Цявловским. Никакой задержки в сдаче этого тома не будет. Само собой понятно, что ранее сдавать его и нельзя, и не нужно.

Таково положение дел с изданием Полного собрания сочинений А. С. Пушкина. Совершенно очевидно, что оно находится в далеко не удовлетворительном положении, и надо принимать самые экстренные меры к тому, чтобы наладить все это дело так, чтобы хотя бы к 1949 г. — году ста пятидесяти лет со дня рождения великого поэта — его собрание сочинений наконец было бы все издано.

Естественно возникнет вопрос — что же теперь делать?

Прежде всего ответственно заверяю Вас, что со стороны Редакции не было, нет и не будет ни малейшей задержки в подаче совершенно готового материала, в прочтении гранок по рукописям, а также и сверстных листов, подаваемых нам Издательством на подпись. Вся Редакция, весь Редакционный комитет и его рабочая комиссия воодушевлены вот уже десять лет единственным желанием как можно лучше и как можно скорее выпустить наконец в свет это единственное, первое действительно полное, юбилейное академическое научное и ученое собрание произведений и всех писаний великого нашего классика.

Все время за все эти десять лет, так же как и сегодня, дело стоит за Издательством, крайней его медлительностью, неповоротливостью, неорганизованностью. Плохое, если не сказать больше, техническое его оснащение, незнание типографского дела, когда вычитывальщики не могут различить шрифтов, невероятно скверный

набор, медлительность в работе, отвратительная правка ответственных корректур и многое другое, — все это создает невероятно ужасное, нестерпимое положение, когда работать почти нет никакой возможности.

1) Надо прежде всего выделить ответственный технический комитет для оформления всей типографской работы по Пушкину.

2) Выбрать типографию, где есть весь нужный инструмент и шрифты, и сделать это заранее, до сдачи материалов в производство, а не после того, когда все сделано отвратительно.

3) Сложный набор текста ни в коем случае не сдавать на лино-тип, а лишь на ручной или на «типограф».²⁹

4) Посадить ответственных вычитывальщиков и особо ответственных, действительно знающих свое дело корректоров.

5) Обеспечить быстрый оборот набора и немедленное печатание, брошюрование и переплет, для чего все нужные материалы и бумагу запастись в достаточном количестве заблаговременно.

6) Выработать точный календарный план всех работ, принимая во внимание, что нужно еще выпустить новых пятнадцать книг-переплетов до полного окончания Полного собрания сочинений А. С. Пушкина вместе с алфавитными указателями и томом рисунков.

7) Предложить прежде всего Издательству допечатать VII, VIII тома Пушкина и немедленно выпустить в свет также полным тиражом XIV том, взяв с ответственных лиц Издательства подписку с предупреждением уголовного наказания по всей строгости закона за невыполнение взятого на себя перед Президиумом Академии наук обязательства. Установить через ответственное лицо проверку исполнения этого обязательства с письменным доведением до сведения о положении вещей Президиуму Академии наук каждые две недели.

8) Немедленно отпечатать, предварительно исправив, первую книгу второго тома, которая на днях будет подписана к печати проф. М. А. Цявловским.

9) Сейчас же сдать в набор: а) вторую и третью книги второго тома; б) немедленно исправить корректуру листов первой книги третьего тома и представить ее в кратчайший срок на подпись проф. М. А. Цявловскому; в) тотчас же сдать в набор пятый том.

Если только это сейчас же проделает Издательство, то печатание собрания сочинений Пушкина наконец будет сдвинуто с мертвой точки. Чтобы все это осуществить, Издательству потребуется не менее полугода. За эти ближайшие месяцы Редакция вторично даст подписанные к печати листы первой книги второго тома, кото-

рые сейчас находятся на подписи у проф. М. А. Цявловского. Кроме того, кончаются просмотром рукописи второй и третьей книг третьего тома. На днях будет окончательно решен вопрос об объеме уже подписанного к набору двенадцатого тома, и в том или в другом виде он совсем скоро будет вторично сдан в набор. В нем исправлять нечего. Он совершенно апробирован Редакционным комитетом; разговор поднят из-за нескольких документов, которые и будут сейчас же нами рассмотрены и окончательное решение по которым будет вынесено на днях.

Одиннадцатый и пятнадцатый тома пойдут вновь в редакционную работу, ввиду того что рабочие, совершенно готовые рукописи потеряны Издательством.

Шестнадцатый том, пока не найденный Издательством, они должны искать, и, если не найдут, придется вновь организовывать его редакцию. Дадим им срок на розыски две недели.

Всю эту *новую*, вторичную редакторскую работу, которую придется нам проделывать из-за беспечности и халатности Издательства, полагаю, можно будет закончить к 31 декабря 1948 г., оставив Издательству еще год на отпечатывание этих последних томов, которые давным-давно были готовы и нами сданы в производство и растеряны Издательством.

Все это можно будет осуществить при одном обязательном условии: заключении новых договоров на эти тома по новым расценкам. Обращаю особое Ваше внимание на совершенную необходимость приравнивания самого трудного, действительно творческого раздела «Других редакций и вариантов» к авторству, т. е. к оплате гонорара как за оригинальный авторский труд, причем это приравнивание должно быть распространено на все тома, которые вышли в свет после войны, которые уже набраны и подготавливаются к набору.

Также необходимо оплачивать вторые, третьи и четвертые корректуры, которые редакторы вынуждены проделывать из-за крайне плохого набора и плохой корректорской издательской читки. Нет никакой возможности всю эту колоссальную работу вваливать бесплатно на ответственных редакторов, крайне занятых научными работами.

Вот все те объяснения по изданию Полного собрания сочинений А. С. Пушкина, которые я считал нужным довести до Вашего сведения.

С искренним уважением к Вам
доктор исторических наук

<подпись В. Д. Бонч-Бруевича>

¹ Текст докладной записки сохранился в двух вариантах: 1) черновой автограф на отдельных карточках рукой В. Д. Бонч-Бруевича (карточки были рассредоточены между разными папками с делопроизводственными документами) и 2) машинопись (неполный экземпляр) с правкой рукой В. Д. Бонч-Бруевича. Представленный вариант докладной записки реконструирован путем взаимного заполнения лагун обоих источников.

² Академическое издание распространялось по подписке. Л. Л. Домгер связывает довоенное снижение тиража каждого тома (с 35 тысяч экземпляров в 1937 году до 27 тысяч экземпляров в 1940 году) с результатами сталинских репрессий, коснувшихся прежде всего интеллигенции — основной аудитории подписчиков академического Полного собрания сочинений.

³ В годы войны Издательство АН СССР находилось в эвакуации в Казани (см.: *Васильев В. И.* Становление и развитие издательского комплекса РАН: К 270-летию академического книгоиздания // *Вестник РАН.* 1998. Т. 68. № 4. С. 352).

⁴ *Корчагин Александр Иванович* (1900—1978) — редактор, поэт-переводчик. Учился в Высшем литературно-художественном институте, выпускник филологического факультета Московского государственного университета. Исключен из ВКП(б) в 1925 году. Редактор собрания сочинений К. А. Тимирязева в 10 т. (М.; Л., 1937—1940), автор его биографии (М., 1943). Участник Великой Отечественной войны (ротный санитар). Многолетний сотрудник и руководитель Редакции классиков литературы Издательства АН СССР.

⁵ 9 октября 1945 г. на заседании Редакционного комитета АПСС Корчагин, поддерживаемый директором Издательства АН СССР И. А. Мартыновым, выступил с предложением изменить систему подачи других редакций и вариантов путем *сокращения* объемов текста, публикуемого в этом разделе. Ср.: «Промежуточный текст, если он буквально повторяет основной, <...> не облегчает изучение творческого процесса поэта, а, наоборот, затрудняет такое изучение, являясь ненужным нагромождением» и далее: «В разделе “Другие редакции и варианты” не следует воспроизводить тексты автографов или других источников не только тогда, когда такие тексты полностью совпадают с основным, но и в случаях, когда тексты очень близки друг к другу; <...> целесообразнее приводить только варианты стихов или групп стихов, относя их к основному тексту» (РО ИРЛИ, ф. 373. Материалы к заседанию Редакционного комитета АПСС от 9 октября 1945 г.).

⁶ В. В. Гиппиус умер 7 февраля (по другим сведениям — 1 марта) 1942 года.

⁷ Значительная часть архива В. В. Гиппиуса уцелела. 13 октября 1948 года Н. И. Мордовченко подготовил служебную записку с обоснованием целесообразности приобретения этих материалов для Рукописного отдела ИРЛИ: «В совокупности это — лаборатория ученого, которая должна быть сохранена, изучена и использована. <...> Лишь малая доля его разысканий <...> отразилась в печати. Большая же часть — остается в карточках, планах и черновиках» (РО ИРЛИ, НСА, дело фонда 47, л. 2). Материалы были приобретены Пушкинским Домом в 1960 году у вдовы В. В. Гиппиуса — Феодоры Ивановны Гиппиус (1893—1979) (Пост. 1960, № 74).

⁸ Достоверных сведений об обстоятельствах спасения и последующей эмиграции Л. Л. Домгера и его жены нет. Единственный биографический источник — машинописная копия письма Домгера (его вероятный адресат — сестра, Лидия Леопольдовна Домгер) от 29 января 1946 года, которая отложилась в архиве

Б. И. Николаевского (см.: *Устинов А. Б. Материалы по истории русской науки о литературе: Письма Ю. Г. Оксмана к Л. Л. Домгеру // Темы и вариации: Сб. статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана. Стэнфорд, 1994. С. 478—485*). В соответствии с этим письмом Домгер вместе с женой оказались взяты в плен в августе 1942 года в Пятигорске («Заставили служить переводчиком. <...> Отношение было хорошее». — Там же. С. 482). В марте 1943 года супруги оказались в Берлине, где Домгер служил в «научном учреждении, занимавшемся изучением Советского Союза»; впоследствии они жили в окрестностях Праги, затем — в г. Блуденц (Австрия). В 1948 году Домгеры переехали в Париж; спустя три года, в декабре 1951-го, они обосновались в Нью-Йорке, где Домгер стал научным сотрудником программы по изучению СССР (Там же. С. 485).

⁹ В. Л. Комарович умер 17 февраля 1942 г. О его смерти — по рассказам Т. Н. Крюковой и И. Н. Медведевой-Томашевской — в своих воспоминаниях написал Д. С. Лихачев (см.: *Лихачев Д. С. Как мы остались живы // Рукописи не горят: Рассказы. Повести. Воспоминания. СПб., 2005. С. 455—456*).

¹⁰ По данным официальной справки, Б. И. Коплан, арестованный 7 ноября 1941 года, умер в тюрьме 9 декабря 1941 года от «острой сердечной недостаточности». По другим данным — расстрелян в декабре 1941-го или в 1942 году.

¹¹ А. И. Заозерский участвовал в подготовке томов 10 и 11. Умер 1 октября 1941 года.

¹² М. Д. Приселков был неофициальным консультантом тома 10. Умер 19 января 1941 года.

¹³ Н. В. Измайлов в сентябре 1941 года был эвакуирован в Чкалов (Оренбург), где до 1953 года преподавал в Педагогическом институте.

¹⁴ Речь о здании Государственной типографии, возведенном в 1907—1910 годах на Петроградской стороне. С 1936 года типография носила имя М. Горького; в 1940-м прошла ее реконструкция. С 1942-го по октябрь 1944 года типография была законсервирована.

¹⁵ «Здоровье М<стислава> А<лександровича> не поправлялось, он продолжал худеть. Выяснилось, что у него рак желудка. Хирург С. С. Юдин взялся делать операцию. Отправили его весной 1946 года в больницу Склифосовского. Операция была очень тяжелая, под местным наркозом, продолжалась более двух часов. <...> Юдин виртуозно удалил М<стиславу> А<лександровичу> две трети желудка» (*Богаевская К. П. Рядом с Цявловскими // Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина. М., 2000. С. 23*).

¹⁶ После возвращения из эвакуации в 1944 году Б. М. Эйхенбаум жил в Ленинграде. Вероятно, имеется в виду длительный летний отпуск.

¹⁷ В годы войны фонды Государственного музея А. С. Пушкина были эвакуированы в Ташкент и Томск. В марте 1945 года Музей был возвращен в Москву, однако из-за отсутствия помещения оставался в законсервированном виде. С рукописями Пушкина исследователи работали в помещениях архива Горького ИМЛИ. См.: *Краснобородько Т. И., Турчаненко В. В. Пушкинский Дом и процесс концентрации в СССР рукописей Пушкина (1930—1940-е годы): По архивным источникам // Русская литература. 2023. № 3. С. 26*.

¹⁸ *Комаров Владимир Леонтьевич (1869—1945)* — ботаник; академик (1920), вице-президент (1930—1936) и президент (1936—1945) АН СССР.

¹⁹ До революции — типография Товарищества «Р. Голике и А. Вильборг» на Звенигородской улице; после национализации — 15-я Государственная типография (с 1922 года — имени первопечатника Ивана Федорова).

²⁰ *Лихтенштейн Ефим Семенович* (1908—1987) — книговед и издательский работник; главный редактор Издательства АН СССР (1945—1962).

²¹ Вложено письмо С. М. Бонди от 26 октября 1946 года с пометой В. Д. Бонч-Бруевича «к стр. 10-й».

²² Речь о заседании 26 октября 1946 г. у академика-секретаря Отделения литературы и языка АН СССР И. И. Мещанинова.

²³ История подготовки т. 12 академического Полного собрания сочинений изучена Т. И. Краснобородько в статье «“Нетворческие” тексты А. С. Пушкина: Проблемы издания: (По материалам архива Редакции академического издания собрания сочинений А. С. Пушкина)» (*Русская литература*. 1989. № 1. С. 145—152).

²⁴ Вложена машинописная копия заявления от 27 мая 1946 года.

²⁵ Ср.: «Действительно, то, что непонятно современным исследователям, лучше опубликовать, честно признавшись в этом, чем “скрыть” от читателя. Ведь мы не сможем знать, в каком объеме следующие поколения ученых востребуют подобные “отрывки”, — может быть, им дано будет счастье осмыслить их» (*Краснобородько Т. И.* «Нетворческие» тексты А. С. Пушкина. С. 152).

²⁶ Вложена машинописная копия письма Е. С. Лихтенштейна к В. Д. Бонч-Бруевичу от 27 августа 1946 года.

²⁷ Вложена машинописная копия письма директора Издательства АН СССР Т. П. Самсонова к В. Д. Бонч-Бруевичу от 13 апреля 1939 года.

²⁸ *Самсонов Тимофей Петрович* (1888—1955) — революционер, чекист, партийный работник. С 20 февраля 1938-го по август 1939 года — директор Издательства АН СССР.

²⁹ В то время для набора технически сложного текста, предполагавшего в том числе сложную верстку, был предпочтителен ручной набор (или использование монотипа — буквоотливной машины, изобретенной в конце XIX века, но получившей в СССР широкое распространение лишь в конце 1940-х годов). Логично противопоставляя более трудоемкий (и более дорогой) ручной набор высокопроизводительному линотипу (наборной машине, отливающей строки целиком), Бонч-Бруевич, однако, допускает использование «типографа» — строкоотливной машины более простой конструкции. Вероятнее всего, это противопоставление двух наборных машин (линотип vs типограф) основано на технических характеристиках оборудования, бывшего в то время в употреблении в СССР. Существенным преимуществом типографа во второй половине 1930-х годов было высококачественное литье за счет возможности использования более твердого (чем в линотипе) сплава и качественного охлаждения набранной строки (см.: *Петрокас Л.* Наборные машины // *Большая советская энциклопедия*. М., 1938. Т. 40. Стб. 765). В 1940-е годы «типографы» постепенно выходили из употребления, уступая место постоянно совершенствовавшимся линотипам (см.: [Б. п.] *Наборная машина* // *Большая советская энциклопедия*. 2-е изд. [М.], 1954. Т. 29. С. 10, 12).

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 40



Санкт-Петербург
2026

УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

Издание основано в 1962 году

Ответственный редактор
А. Ю. БАЛАКИН

© Авторы статей, 2026
© Пушкинская комиссия РАН, 2026